

УДК 94(4)"1945/..."

А. М. Сологубов

**ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ КАК НОМО SCIENTIS:
ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОСВОЕНИЯ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

Реконструирована ситуация тотального незнания, в которой оказались советские переселенцы при освоении чужого для них культурного пространства бывшей Восточной Пруссии. Рассмотрена их деятельность по приобретению знаний о новом месте жительства, ставшая повседневной практикой и жизненной необходимостью.

This article reconstructs the situation of total ignorance that the Soviet settlers faced when reclaiming the alien cultural space of former East Prussia. The author analyzes the settlers' cognitive activity of cultural assimilation of new territories, which became an everyday routine and vital necessity.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, Калининградская область, освоение культурного пространства, познание.

Key words: East Prussia, Kaliningrad region, cultural assimilation of territories, cognition.

Военное время

Познание советскими людьми Восточной Пруссии началось еще до вступления на ее территорию Красной армии. Общие знания об этой немецкой провинции давал краткий справочник 1944 г. [12]. Необходимые для наступления войск сведения добывали заранее заброшенные в Восточную Пруссию армейские разведгруппы. Изданные позднее воспоминания советских разведчиков вошли в «корпус» исторического знания калининградцев (см., например: [30]). Сотни статей о Восточной Пруссии были опубликованы в центральных и фронтовых газетах с осени 1944 по весну 1945 г. Созданный в них образ этой земли стал основой исторического знания калининградцев.

Переселенцы-разведчики

Мало кто из первых переселенцев в Калининградскую область имел адекватное представление о земле, на которую приехал, о ее истории. Все здесь было чужим, и первые годы переселенцы были своего рода разведчиками, исследуя то, что есть на территории: от оврагов и малинников до дренажа и мельниц: «Калининградцы еще не успели толком узнать здешних грибных мест. И хорошие грибы от несъедобных не все отличить умеют» [31]. Сотни необитаемых деревень, тысячи пустых хуторов таили много неизвестного как для новой администрации, так и для прибывающих поселенцев. Находки и открытия стали обыденностью. Сообщения в прессе содержали соответствующую ситуации

«риторику разведчика»: «обнаружено», «разыскано», «добыто» и т. д. В условиях дефицита строительных и других материалов можно было «изыскать» почти все необходимое для нехитрого переселенческого хозяйства (см.: [17; 22 и др.]). Не только область, но и сам областной центр был малоизучен. Например, в калининградском городском тресте зеленого строительства не знали, что в городе есть ботанический сад. На его территории были разбиты огороды, выпасался скот [4]. В городах отсутствовала немецкая документация, без которой сложно было налаживать водопровод, канализацию, газовую систему [14]. Незнакомой была техника, оставшаяся от немцев. Ее ремонт и наладка доставляли переселенцам определенные неудобства (см., например: [16]).

Проблемой оказалось освоение мелиорационной системы. Кроме отсутствия документации, а также опыта, отвечающего местным условиям, возникли принципиальные трудности с организацией эксплуатационной службы осушительной системы. Были опробованы различные формы организации: мелиоративные бригады, звенья, институт ремонтеров, но ни одна из них не прижилась [10, л. 43, 76, 87].

Климат

Мнения и слухи о неблагоприятном климате, сложностях ведения хозяйства в условиях области, неплодородности почв были широко распространены, и в отчете экспедиции Института географии АН СССР автор П. Г. Ожевский не преминул отметить, что «представление о природе области как о какой-то особой, в корне отличающейся от остальной природы нашей Родины, совершенно неверно» [7, л. 14]. Непривычность климата способствовала и обратничеству [26, с. 49]. Мягкий и влажный климат области был необычным настолько, что стал общим местом во многих опубликованных позже воспоминаниях. До 1949 г., пока не были подготовлены первые основательные отечественные труды по этому вопросу [18, 32], источником сведений о климате области был, в частности, написанный по немецким материалам справочник [12]. Просветительская работа велась в газетах, на сельскохозяйственных курсах и т. д.

Из-за малой изученности климатических условий, недостаточной просветительской работы среди переселенцев распространилось «обывательское мнение о “гнилой зиме”»: в Калининградской области не бывает настоящей зимы. Оно повлияло даже на спорт. В спортивных организациях зимние нормы ГТО были заменены летними, лыжный и конькобежный спорт не развивался. Противники этой политики приводили аргументы, что «сама действительность из года в год опровергает несостоятельные “теории” о неустойчивости калининградской зимы» [20], что «в городах Литовской ССР, находящихся в одинаковых с Калининградом климатических условиях, работают на полную мощность катки и лыжные базы» [27].

Из-за незнания климата сложности возникали и в строительстве. В послевоенном Калининграде крыши многих зданий были разрушены, и их надо было восстанавливать. По строительным нормам угол уклона мог лежать в пределах 30–45°. Рассматривая соответствующую проблему, главный архитектор города Д. К. Навалихин заявлял: «Сле-

дует восстанавливать не Кёнигсберг, а Калининград, поэтому следует пересмотреть вопрос уклона кровли» (1949) [8, л. 12]. Дело в том, что это был не только технический, но еще и политический вопрос. Большой уклон черепичных крыш в 45° (необходимый в климатических условиях Калининградской области и принятый у немцев), требует мансардных помещений и придает зданиям «немецкий вид». Малый же уклон, как выяснилось, приводит к протеканию крыш, гниению деревянных конструкций. Специалисты ссылались на свой опыт: «...в Ленинграде снег всю зиму не тает, а в Калининграде тает, что является причиной просачивания влаги через черепицу». Архитектурный совет, вынужденный лавировать, принимает компромиссное решение — определить угол уклона в 35°. Однако такое устройство крыши «можно считать только временным» и следует «установить архитектурно-строительный контроль за стройками города»: будет течь или нет [8, л. 12].

41

Познавали и художники. Их профессионализм проявлялся в способности уловить местную специфику и передать ее в своих произведениях. Старейший калининградский художник К. М. Кишкин (1892—1970) оставил примечательное и редкое свидетельство. На обсуждении работ молодых коллег он заявил об особенностях изображения немецких черепичных крыш: «Тема интересная; надо дорабатывать, найти психологическое состояние. Нравится рисунок в карандаше и “Ненастье”; нет специфики Калининградской природы, нет серебристости и влажности воздуха, при которых крыши домов зазвучали бы по-иному» (1956) [9, л. 49]. Кроме познания местного колорита можно говорить и о ремесленном аспекте знания. Так, скульпторы заметили, что местный влажный климат разрушающе действует на привычные бетон и гипс, и рекомендовали использовать для скульптур пусть дорогие, но долговечные мрамор и бронзу (1957) [9, л. 11—12].

Естествоиспытатели

Осваивая новую территорию, восстанавливая (на новый лад) хозяйство, переселенцы вынуждены были вступить во взаимодействие со сложными биоценоотическими системами. Деформации последних, вызванные войной и миграциями, привели кроме прочего к распространению вредителей, вспышкам заболеваемости как животных, так и растений. Ветеринары не сразу разработали меры борьбы с заразными заболеваниями, эффективные именно в условиях Калининградской области. Эти знания появлялись постепенно. Лишь через какое-то время было выяснено, например, что низменная местность, сырой климат, влажные (из-за нарушенной мелиорации) пастбища способствуют широкому распространению гельминтозов [11, л. 7—8, 10]. Познание биоценоотических систем, приспособление к ним потребовали значительных усилий, и Калининградская область надолго превратилась в огромную селекционную лабораторию.

Важной задачей было распространение и поддержание сортовых посевов. Однако колхозные агрономы в большинстве были молодыми специалистами-выпускниками без опыта работы и допускали значительные ошибки. Другая часть агрономов уже обладала опытом, но особенности сельского хозяйства области были им неизвестны.

На практике они применяли агроприемы, принятые в родных областях, что было ошибочным. Часто агрономы имели недостаточную, узкую для многоотраслевого хозяйства колхозов, специальность [5, л. 3].

В молодой области развивалось рыболовство. Рыбаки изучали особенности поведения рыбы в Балтийском море, разрабатывали приемы лова и рациональную организацию рабочего времени [21, с. 273]. Новые приемы появлялись и в рыболовецких колхозах, например частичная подрезка ставниковых неводов [2].

С 1948 г. охотоведы проводили обследования местных лесов, опрашивали лесников и охотников. Это позволило узнать привычки, рацион, образ жизни животных Калининградской области, выяснить ареалы их расселения, пути пролета мигрирующих птиц и пр. Характерны примеры переноса знания, приобретенного в других регионах. Охотоведы советовали в Калининградской области ставить капканы, как это принято в Южно-Казахстанской и Адыгейской областях, поскольку там зимы тоже малоснежны и капканы ставят по чернотропу. Для снежной зимы предлагали способ сибирского охотника Ф. А. Бабина: «...в лесостепи, где частые населенные пункты, что очень подходит к Калининградской области, лисица не боится следов человека, она к ним привыкла. Лисица, не доходя до следов человека на 1,5 метра... перескакивает через след. Основываясь на этом, Бабин ставит капканы под след лисицы по обе стороны своего следа: в предполагаемом месте остановки лисицы и при приземлении через след» [28, с. 28–29].

У переселенцев не было знания местных материалов и технологий, необходимого для поддержания существующих на территории структур и объектов, не было сведений о наличии полезных ископаемых. Все предстояло исследовать и освоить. Такая деятельность растянулась на десятилетия, выразившись, в частности, в создании различных опытных станций, организации исследовательских экспедиций и т. д. Были обнаружены месторождения и залежи бурых углей, фосфоритов, лечебного торфа, строительного гравия, кварцевого песка, известковых камней, гипса и др. При этом считалось, что немецкие исследования не всегда верно отражали действительность, даже искажали ее в угоду личным интересам, что немецкие методы исследования, оценки ресурсов области «не могут быть признаны разумными», поскольку они «хищнические» и «конъюнктурные». Отмечалось, что немецкие научные учреждения вели исследования обособленно и конкурируя друг с другом [7, л. 16–19].

В 1947–1951 гг. в области работал ряд комплексных и отраслевых экспедиций АН СССР и разных министерств (сельского хозяйства, совхозов, лесного хозяйства, геологии и др.), ведомственных институтов и т. п. По результатам этих экспедиций была подготовлена обширная литература (о флоре и растительности области, борьбе с сорными травами, улучшении сенокосов и пастбищ, местных почвах и агроприемах, применении удобрений и др.).

Были предложения со стороны общественности об организации калининградского общества испытателей природы, включающего специалистов естественных и сельскохозяйственных наук и любителей природы [19].

«Микророссия»

Прибалтийская природа песчано-глинистых холмов и болотистых равнин была чуждой переселенцам. Ее символическая «реабилитация» шла творчески, изнутри, в частности путем сопоставления с природой родных для них мест. В первоначально чужой природе увиделось что-то знакомое, родное. Это позволило превратить разношерстно населенную Калининградскую область в «Микророссию»:

И полтавские вишни, черешни,
И рязанские облака,
И березовые скворешни
Отразились в тебе, река.

<...>

Ни печали, ни горя не зная
И не ведая черной тоски,
Ты течешь, новый мир познавая,
Внемля голосу Волги-реки.
В перелесках твоих поселились
Наши курские соловьи... [3].

Автор географического описания последовал такому же приему, сравнив в обширном перечислении многообразие ландшафтов Калининградской области с многообразием ландшафтов России [7, л. 15–16]. Подобные сравнения в первые годы были довольно распространены: «Еще дальше — новый областной драматический театр. Этот уголок напоминает нам родную Москву. Внешний вид театра походит на фасад Большого театра Союза ССР» [25]. Актуальные в самом начале калининградской истории, сравнения к 1970-м гг. становятся просто литературным приемом, служащим ретроспекции:

Комок земли размял руками,
чтоб знать, каких она солей.
Сравнил с приволжскими степями
клочки бесформенных полей.
Сравнил и фауну и флору,
И подивился чудесам... [15, с. 191].

«Эта тема глубоко интересует и волнует ребят, и ее необходимо умело использовать в воспитательных целях...»

Одной из массовых форм познания края были экскурсии, походы, летние лагеря, организовывавшиеся для школьников и иногда имевшие обязательный характер. Для десятков тысяч юных калининградцев именно благодаря таким походам и летним лагерям началось знакомство с территорией. Органы народного образования, учреждения культуры уделяли большое внимание досугу школьников, организовывали их краеведческую деятельность (см., например: [13]). Определенное, прошедшее «госконтроль» знание о территории и ее истории давал местный краеведческий музей. Лекторы областного лекторского бюро, систематически выезжавшие в колхозы и районные центры «для пропаганды политических и научных знаний», занимались также и распро-

странением знаний краеведческих, рассказывая о прошлом и настоящем области, о биографиях людей, чьими именами названы населенные пункты, и т. д. [29]. Газеты регулярно публиковали популярные статьи о природе края. Приведем любопытный казус, возможно, первый в своем роде. В «Калининградском комсомольце» в рубрике «В часы досуга» была помещена такая задачка: «Железная дорога Калининград — Москва протянулась в широтном направлении. В один из солнечных зимних дней в глубокой выемке проходил поезд. С правой стороны по ходу поезда лежал откос, на котором серебрился снежок; на левом откосе снег весь растаял. Куда шел поезд: в Москву или в Калининград?» [1].

Жители Калининградской области познавали край и стихийно. Охотники, туристы, собиратели даров природы, участники массовых пеших и велосипедных прогулок непрерывно получали знание об этой территории. В различных организациях, в том числе в университете, существовали туристические секции [6, л. 34—35]. Местный организованный туризм охватывал сотни тысяч «человеко-экскурсантов». К 1967 г. в областном совете по туризму разработали 35 маршрутов «по местам боевой и трудовой славы нашего народа». За два года по ним прошло более 250 тысяч калининградцев [6, л. 30].

Названные выше формы познания территории, включая профессиональную деятельность новых жителей, не могли быстро дать полноценного массового знания. Атмосферу земли неизведанной передает писатель Георгий Метельский. Побывав несколько раз в Калининградской области в 1960-х гг., он был удивлен малой степенью познания этой земли, ее истории людьми, которые живут и работают на ней уже по десять-пятнадцать лет [23, с. 119—120].

Положение Калининградской области как «форпоста СССР на крайнем западе», как бывшей вражеской земли, а ныне пограничной и закрытой, налагало определенные ограничения на знание о ней и на способы его получения. В полноценном знании «простого калининградца» о крае виделась скорее «находка для шпиона», чем для краеведа. Образно говоря, государство монополизировало «чужое» культурное пространство и сделало из него тайну. Кроме того, недостаточность исторической осведомленности обусловила возникновение и распространение среди новых жителей разного рода слухов, спекуляций вплоть до мистических, создав местный фольклор. В определенной степени незнание территории и ее истории, как это было в первые послевоенные годы существования области, продолжалось десятилетиями. Статья съездившей в один из райцентров журналистки областной газеты (1989) напоминает донесение лазутчика с незнакомой вражеской территории: «объект», «выдать», «напасть на след» и т. д. [24]. Однако для калининградского читателя такая риторика близка, понятна и допустима.

* * *

Территории переходили «из рук в руки» во все времена, с жителями или без них. В последнем случае исчезал целый мир знаний, создававшийся в течение десятилетий и столетий. Переселенцы в этом смысле

начинали с пустого места. Новая земля была для них во всех отношениях *terra incognita*. Но жить на земле, не зная ее, невозможно. Освоение было не только деятельностью по механическому восстановлению материальных структур и конструированию идеального, но и познанием, ставшим в условиях «чужих» территорий повседневной практикой и жизненной необходимостью. Новые жители Калининградской области, создавая собственный «жизненный мир» (Edmund Husserl) взамен чужого, вынуждены были создать и новый всеобъемлющий мир знаний. Переселенец стал человеком познающим (*homo scientis*), добывая знания, доказывая свою правоту окружающим, делясь полученным знанием. История освоения нового культурного пространства есть и история его познания.

Список литературы

1. А ну-ка, подумай! // Калининградский комсомолец (далее КК). 1948. 12 дек.
2. Адамович О. Почин комсомольцев // КК. 1951. 26 апр.
3. Андрущенко Ю. Прегель-река // КК. 1948. 26 дек.
4. Валова А. Калининград должен иметь ботанический сад // Калининградская правда (далее КП). 1947. 29 июня.
5. Государственный архив Калининградской области (далее ГАКО) Ф. 139 ст. Оп. 9. Д. 93.
6. ГАКО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 17.
7. ГАКО. Ф. 297. Оп. 128. Д. 6.
8. ГАКО. Ф. 522. Оп. 1. Д. 14.
9. ГАКО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 21.
10. ГАКО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 105.
11. ГАКО. Ф. Р-139 ст. Оп. 9. Д.
12. Глебов В.И. Восточная Пруссия : краткий справ. М., 1944.
13. Грибова Л.В. Изучим наш край! Ко всем пионерам и школьникам Калининградской области // КК. 1948. 21 нояб.
14. Ерашов В. Маршрут номер первый // Продолжение подвига. Калининград, 1967.
15. Жернаков И. Зеленодолье // На обновленной земле : сб. Калининград, 1974. С. 191.
16. Жернаков И. Кузнец Николай Балабаев // КП. 1949. 18 янв.
17. Живилин П. В передовом колхозе Гвардейского района // КП. 1947. 15 марта.
18. Климатологический справочник СССР: по Лит. ССР и Калинингр. обл. РСФСР / ред. А.Ф. Власов. Вильнюс, 1949. Вып. 6.
19. Коробков В. Создать общество испытателей природы // КП. 1947. 7 мая.
20. Кофанов П. Что мешает росту мастерства? // КК. 1952. 17 янв.
21. Львов В. Капитан рыболовного тральщика // Калининград : лит.-худож. и обществ.-полит. сб. / ред. В.К. Грудинин. Калининград, 1951. С. 268–275.
22. Масаев А. Пополнили запасы кормов // КП. 1947. 20 февр.
23. Метельский Г.В. Янтарный берег. М., 1969.
24. Минакова Р. Не на один майский день. Как готовятся в Гусеве к областному празднику печати // КП. 1989. 15 марта.
25. Наумова В. Солнце сияет для нас // КК. 1949. 1 янв.
26. Павловский О.П. Земли хозяин : док. повесть. Калининград, 1979.
27. Против недооценки зимних видов спорта // КК. 1951. 28 янв.
28. Протоповов С.М. Охотничьи богатства Калининградской области. Калининград, 1957.

29. *Растут* наши люди // КП. 1951. 7 апр.
30. *Ридевский Н.* Парашюты на деревьях. Минск, 1969.
31. *Сергеев Н.* По грибы // КП. 1952. 16 сент.
32. *Федоров Е. Е., Галахов Н. Н., Гальцов А. П., Фельдман Я. И.* Очерк климата Калининградской области. М., 1949.

Об авторе

Александр Михайлович Сологубов — канд. филос. наук, ст. преп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: aleks.sologubov@gmail.com

About author

Dr Alexandr Sologubov, senior teacher, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: aleks.sologubov@gmail.com